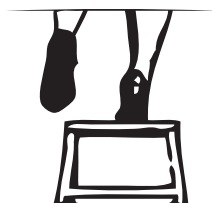

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

11 июня 2014

Эмма Гольдман

П.А. Кропоткин

Эмма Гольдман

П.А. Кропоткин

1922

Выходные данные: опубликовано по-русски в историческом журнале «Былое» (№17, 1922 г. Стр. 100-104). Перевод с английского был сделан с рукописного экземпляра статьи, предоставленного редакции Эммой Гольдман. Здесь приводится с незначительными изменениями.

Сохранено 12 июня 2014 года из <http://avtonom.org/news/pamyati-velikogo-cheloveka-k-90-letiyu-so-dnya-smerti-petra-alekseevicha-kropotkina>

Оглавление

Дмитров, 2-ое Мая 1920 г.	9
* *	13

Петр Кропоткин не терял случая обращаться к рабочим Европы, чтобы они настойчиво просили мира с Россией. Он возмущался отношением известных старых «революционеров», наводняющих ныне Европу, которые присоединились к империалистическому кличу об интервенции. В то же время он критиковал, не колеблясь, политику советского правительства. Кропоткин несколько раз взывал к рабочим Европы, чтобы они заставили их правительства убрать от России руки прочь. Никто не выявлял лучше, чем он, что продолжение похода на Россию означает одновременно и полнейшее расстройство остального мира. Россия по многим причинам нуждается в мире, — говорил он, — и в той же мере голос свободной критики должен быть услышан, так как новая Россия может быть построена только доброю волею и соединенными усилиями всего народа.

Кропоткин умер и, однако, никогда еще не был так жив. Он живет в сердцах и мыслях России и всего мира. Он не нуждается в комментаторах своих работ. Он поставил себя в самое скромное положение духовного учителя и писал с простотою, доступною пониманию всех. Его отношение к людям было просто. Дух его живет. Он вибрирует в дыхании масс.

Выходные данные: опубликовано по-русски в историческом журнале «Былое» (№17, 1922 г. Стр. 100-104). Перевод с английского был сделан с рукописного экземпляра статьи, предоставленного редакции Эммой Гольдман . Здесь приводится с незначительн

В ночь на 8-е февраля [1921 г.] в городке Дмитрове, в 60 верстах от Москвы прекратилась жизнь большого человека — Петра Алексеевича Кропоткина . Болезнь его продолжалась недолго. За месяц до смерти с ним случился сердечный припадок, и хотя казалось, что он поправляется, но последовательные припадки привели к фатальному концу. В маленькой комнате, служившей П.А. кабинетом и спальней, лежало тело одного из величайших сынов России. В продолжение двух дней непрерывные процессии детей, молодых и старых людей, женщин, рабочих и крестьян приходили отдать последний долг любимому согражданину, жившему среди них последние три года. Из простенького домика семьи Кропоткина останки П.А., сопровождаемые всем населением городка и окрестных деревень, были перенесены на станцию Дмитров. После кратких, прочувствованных последних прощаний, посланных покойному представителями анархических и местных организаций, тело было отправлено со специальным поездом в Москву.

Масса народа собралась на вокзале в Москве встретить учителя, товарища и друга. Под звуки революционной музыки, под сенью выразительных красных и черных знамен добровольная процессия медленно шла ко Дворцу Труда (бывшее Дворянское собрание) [ныне — Дом союзов].

Семьдесят один год тому назад в этом самом здании П.Кропоткин в первый раз выступил публично. По случаю 25-летия царствования Николая I московское дворянство давало в честь царя костюмированный бал, который по своему великолепию должен был остаться в летописях больших дворцовых деяний. Все народности, подвластные русской империи, были представлены в костюмах и знаках отличия своей нации. Молодой 8-летний Петр был одет в костюм наследника персидского престола. При входе царя все подвластные народы выразили низкими

поклонами свое подчинение всемогущему правителю России. Поразительная внешность Петра, самого молодого участника этого торжества, привлекла внимание царя. Он взял мальчика и представил его своей невестке, жене наследника престола, ожидавшей тогда третьего ребенка. С привычными ему казарменными манерами царь сказал ей: «Вот такого молодца мне нужно». Утомленный впечатлениями, маленький Петр уснул на коленях будущей императрицы. . . Не думал Николай, что в мальчике, представленном, как модель, царственному дому, скрыта потенциальная сила, которая со временем решительно расшатает основу царственного строя. Но, конечно, Петр Кропоткин не был единственным ребенком, который рос тогда, чтобы со временем стать русским Самсоном, — были легионы сынов и дочерей России, которые своей кровью оплодотворили землю для окончательного освобождения от царизма. Но Петр Кропоткин был самый великий из всех их.

В 1850 г. Кропоткин заснул в зале Дворянского собрания, в 1921 г. он опять лежит спящим в этом же самом здании. Но вместо царя Николая, наследника престола, будущей императрицы, хозяина и царственных гостей, теперь присутствовал русский народ. Из всех районов и окрестностей Москвы приходили рабочие, крестьяне, красноармейцы, дети, мужчины и женщины, деятели науки и литературы, — бесконечный человеческий калейдоскоп, чтобы взглянуть в последний раз на своего любимого учителя.

Похороны Петра Кропоткина были самым внушительным явлением, которому я была свидетельницей во время моего пребывания в России. В воскресенье, 13-го февраля, задолго до назначенного часа, улицы, прилегающие ко Дворцу Труда, были полны народа, пришедшего принять участие в похоронной процессии. Рабочие организации, политические партии

шую роль в образовании коммунистического безначального общества. . .

Я также верю, что в организации коммунистических общин в крестьянстве, в кооперативное движение — особенно русское крестьянское кооперативное движение — будет в последующие 50 лет служить творящим ядром коммунистической жизни, без какой-либо примеси религиозного характера.

Я глубоко верю в это. Но я чувствую, что для того, чтобы запечатлеть эти два движения с жизненной силой, чтобы дать им форму, развить их, приготовить твердый базис для них и помочь им трансформироваться из орудия самозащиты в могущественное средство, для реорганизации общества на принципах коммунизма, — требуется сила моложе моей — и особенно кооперация из среды рабочих и крестьянства. Эти силы будут найдены. Они уже есть в обоих движениях, хотя они еще не сознают своей миссии. Они еще не уяснили сами себе, что они еще не прониклись идеалом коммунизма» . . .

«Я возобновил свои работы по вопросам нравственности потому, что считаю, что эта работа абсолютно необходима. Я знаю, что не книги создают умственное направление, но совершенно наоборот. Я также знаю, что для разъяснения этой идеи необходима помощь книги, которая выражает базисы мысли в их полной форме. И чтобы положить основание морали, освобожденной от религий, и выше религиозной морали, которая не ждет вознаграждения на том свете, необходимо иметь помощь разъясняющих книг.

Нужда в таких пояснениях чувствуется более настойчиво теперь, когда человеческие мысли борются между Ницше и Кантом (в действительности мораль Канта была религиозной этикой, хотя и была замаскирована «философией», т. е. между ницшеанством и христианством).

Замечательно, что Бакунин (я узнал это недавно), когда он после разгрома Коммуны удалился в Локарно, также почувствовал потребность разработать новую этику. Кто-нибудь да сделает это. Но необходимо подготовить почву, и так как я умственно вовлечен в поиски новых путей в этой плоскости, то должно, по крайней мере, наметить этот путь.

Мне недолго жить. Мое сердце делает последние усилия. Сегодня я почти лишился чувств без всякой видимой причины. И потому, мой дорогой друг, я сосредоточу еще мои силы на изучении этики; я еще больше чувствую, что во времена, переживаемые теперь Россией, нельзя достичь серьезных результатов активностью отдельных личностей. Сотрясение масс велико, — индивидуальное масс недостаточно.

Я глубоко верю в будущее. Я внутренне убежден, что синдикалистское движение, т. е. рабочих организаций, которые на своем последнем конгрессе собрали представителей от 20.000.000 рабочих, сыграет в течение каких-нибудь 50 лет громадней-

и ученые общества, были представлены в громадном количестве своих членов. Дворец Труда, где три дня лежало тело Кропоткина, был переполнен. Простой гроб, стоявший на помосте в центре прекрасно декорированного зала, был покрыт венками. Первая и шестая Патетические симфонии Чайковского, — любимые вещи П. Кропоткина, которые он так часто и искусно играл, — были исполнены знаменитым оркестром Московской оперы. Когда тело медленно выносили из Дворца Труда, хор в двести человек пел потрясающий душу Реквием, и звуки «вечной памяти» приветствовали солнечный день.

Девятнадцатое столетие дало миру десятки великих мужчин и женщин. Наука, искусство, литература, революционная мысль и социалистические идеалы имели своих видных представителей. Но в Петре Алексеевиче были соединены почти все свойства, присущие лишь редким умам: универсальный ученый, литератор, революционер с пламенной душой, апостол анархизма, который горячо проповедовал, что только в анархическом обществе — спасение человечества, Петр Кропоткин в то же самое время обладал способностью общедоступного изложения, которая делала его самую блестящую фигуру на горизонте XIX-XX столетий. Его жизнь и работы были высечены из одного целого. Это была симфония, где лейтмотивом была всеобъемлющая любовь.

Происходя из княжеского, царственного рода (Рюриковичей), с блестящею перспективою карьеры, он, однако, с юности стал поборником обиженных и угнетенных. Из тюрьмы, куда он был заключен на своей родине, он бежал и жил за границей во многих странах, преимущественно в Англии. Неизменным принципом его жизни было — не извлекать никакой материальной выгоды из своей анархической деятельности. Все его многочисленные анархические работы — книги, памфлеты

и брошюры — он отдавал во имя пропаганды для популярных изданий. Не будет преувеличением сказать, что его памфлеты, например, «К молодому поколению», «Система заработной платы», «Коммунизм и анархия», «Идеалы и действительность в русской литературе», «Государство и его роль в истории» [названия работ Кропоткина здесь даны в наиболее часто употребляемом русском варианте и несколько отличаются от тех, что приведены в оригинале статьи — прим. ред.] и др., циркулировали в миллионах изданий по разным странам.

В задачу этой статьи не входит определение влияния Кропоткина, как ученого, анархиста и человека. Равно не место в ней для критических размышлений о позиции его по отношению к великой войне [имеется в виду позиция, занятая Кропоткиным в период Первой мировой войны — прим. ред.]. Достаточно заметить здесь, что вместе с большинством анархистов всего мира я не разделяла взглядов нашего великого учителя на европейскую катастрофу. Мы были твердо уверены, что все капиталистические войны реакционны в основе своих причин и империалистичны в в сущности своих целей. Эта разница точек зрения товарищей была единственным поводом для нашего расхождения с Петром Алексеевичем.

Проведя 41 год в изгнании, П.А. 17 июня 1917 г. возвратился на родину. Он был встречен с большим энтузиазмом.

Керенский делал невероятные усилия, примиряя непримиримое: он убеждал Кропоткина войти во временное правительство, предлагая ему на выбор любой пост министра. Кропоткин отказался. «Я считаю ремесло чистильщика сапог более честным и полезным», — ответил он. После октябрьской революции Кропоткин видел с ясновидением пророка, что революционные усилия народа были отводимы в правительственные каналы и в сторону от идеалов, вдохновлявших массы в период

священного подъема первых октябрьских дней. Но Кропоткин не терял действенной энергии. Он энергично и постоянно настаивал на необходимости фундаментальной реконструкции экономической жизни страны на началах безвластия.

Усиленное умственное и физическое напряжение Кропоткина в 1918 году истощило его жизненную энергию и состояние здоровья заставило его, хотя и молодого душой (ему было 76 лет), переехать из Москвы в Дмитров, где он сделался добровольным изгнанником. Отойдя от современной кипучей жизни, Кропоткин жил совершенно изолированно.

Человек, жизнь которого была так богата и разностороння, теперь не имел возможности соприкоснуться с ходом мировых событий. За исключением советских изданий, он не имел никаких источников знаний. Лишь несколько журналов доходили к нему иногда из-за границы. И переписка его была скудна. Его бесчисленные товарищи и друзья редко имели возможность посещать его. Последний год его жизни прошел в одиночестве. Он сосредоточился на своей крупной работе об этике. Но даже и для этой работы у него не было достаточного количества научных материалов. Медленный ход этой работы тяготил его мозг. У него не было секретаря, и его стареющие руки не могли долго работать на пишущей машинке. Смерть покончила с ним раньше, чем он со своей работой. Многие из его друзей и товарищей удивлялись его безмолвию и позиции его по отношению к происходящему в России. Причины этого выясняются в приводимых выдержках из письма к его старому другу.

Дмитров, 2-ое Мая 1920 г.

«Дорогой Александр,
(...)